

деляло для подавляющего большинства людей вопрос об их идентичности, давая каждому человеку определенные ориентиры, позволявшие ему без особых затруднений ответить на вопрос: «Кто ты такой?».

Если традиционное общество разрушено и возможность провести самоидентификацию «автоматически», «по умолчанию» отсутствует, тогда человеческая жизнь приобретает отчетливую *форму проекта*. Чтобы быть, надо быть кем-то, а чтобы быть кем-то и «что-то значить», необходимо соотносить себя с каким-то образом, с чем-то сверхиндивидуальным, ценным, значимым.

Эти фундаментальные перемены приводит к рационализации отношения человека к самому себе и к активизации саморефлексии. Иногда она бывает последовательной, сознательной, но чаще – полусознательной. Когда мы вспоминаем свою жизнь, выстраиваем ее *картину* с помощью фотографии, мы невольно дополняем спонтанную память («память сердца») «архивными материалами», то есть собираем фото-конструкцию прошлого, и переходим (в своем автобиографическом сознании) в режим истории-памяти²⁵. Семейная и персональная история воссоздается *с оглядкой и на произвольную память*, и на *желанный образ себя*, задаваемый идентификацией с определенными смыслами и обусловленный экзистенциальным проектом.

Работа над составлением фотоальбома оказывается вместе с тем и работой над конституированием собственной идентичности и ее закреплением в сознании. Произвольную память мы дополняем ее рациональной реконструкцией, историей-памятью. Работа с фотоархивом, составление фотоальбомов «для себя» и «для внешнего пользователя» – это техника самопознания и самоконституирования, современная форма «заботы о себе».

Постиндустриальное общество (можно определить его также как общество изобилия, как консьюмеристское, потребительское, информационное общество) столкнулось с ситуацией, *когда проблемой становится не недостаток, а избыток*. Об избытке говорят тогда, когда чего-то становится больше, чем мы можем использовать по его назначению. Избыток чего-либо приводит к инфляции того, чего стало слишком много. Важная особенность современного (то есть цифрового) фотоархива в том, что он становится (отчасти уже стал) необозримым. Множество фотографий не устаиваются более, чем однократного беглого просмотра. Человек производит фотографий больше, чем может обработать, то есть превратить снимок в единицу хранения архива. Это приводит к кризису фотоархива как важного феномена современной культуры.

Мы сегодня можем наблюдать, как *процесс фотографирования и демонстрация фотографий* в расчете на сиюминутный отклик в социальных сетях (без какой-либо попытки структурировать поток фотообразов в персональный архив) становится все более распространенной практикой. Проблема сохране-

²⁵ Различие между памятью, историей-памятью и историей-критикой применительно к коллективной памяти нации вводится французским историком Пьером Нора (См.: Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюмеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та. С. 17-50).

ния персонального фотоархива как инструмента самосознания и самоидентификации ставит перед современным человеком задачу по контролируемому уничтожению его частей ради сохранения самого архива как инструмента структурирования персонального прошлого.

Литература

1. Лишаев С. А. Помнить фотографией. – СПб.: Алетейя, 2012. 140 с.
2. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюмеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та. С. 17-50.
3. Флюссер В. За философию фотографии \ пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2008. 146 с.

А.Ю. Нестеров

ТЕХНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В КОНЦЕПЦИИ УНИВЕРСИТЕТА 3.0: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ²⁶

(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва)

1. Что такое техническое сознание?

Под техническим сознанием понимается субъект инженерного или технического (технично-технологического) мировоззрения.

Техника (в смысле техне):

- «всякое обращение наружу, всякое воздействие на материю» у П. Энгельмейера
- «реальное бытие из идей посредством целевой организации и обработки из данных природой запасов» у Ф. Дессауэра
- о техническом речь может идти тогда и только тогда, когда «предметы искусственно изготавливаются человеком и применяются с определёнными целями» у Г. Рополя.

Техника – материально выраженная рефлексия. Три ступени свободы рефлексии: игра разума (фантазия, вымысел, ограничение способностью представления), языковая игра (ограничение грамматиками, синтаксисом – литература), материальное воплощение в субстрате чувственного восприятия, создание искусственных предметов (ограничение законами материи). Техническая рефлексия – высшая, подверженная наиболее жёстким ограничениям форма рефлексии.

²⁶ Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 "Семиотические основания техники и технического сознания".

Три типа технической рефлексии как три типа искусственных объектов или три типа технического сознания: традиция, где техника есть способ выживания человека в естественной природной среде; «вторая природа», где техника есть способ замещения естественной среды искусственной; «третья природа», где техника есть способ управления рефлексией.

Поскольку инженер (инженерное или техническое сознание) – субъект технической рефлексии, необходимо выделять три типа инженерии (три типа мышления и **три уровня ответственности, то есть три типа этики**).

2. Что такое инженерное знание?

Всякое техническое сознание как субъект технического мировоззрения – это механизм управления знаниями. Существенная проблема – что есть знание? Какое знание относится к техническому и в чём его специфика на фоне научного, бытового, религиозного и т.д.?

Знание – это способ работы с правилами, система обоснованных истинных убеждений. Например, научное знание отличается от прочих способом обоснования (познание есть открытие причин, наука есть соединение чувственного восприятия и логического анализа).

Очевидно, знание – это семиотическая конструкция, невозможная вне той или иной модели акта познания. Знание – это определённого рода способ работы со знаками, определённого рода семиозис, подразумевающий взаимодействие ряда слоёв и типов семиозиса.

Всякий семиозис носит либо рецептивный, либо проективный характер: знаки либо воспринимаются и расшифровываются (интерпретируются и понимаются), либо применяются и создаются. Знание, таким образом, существует в рецепции и проекции. В самом простом случае, если знание – это способ работы с правилами, то правила либо выявляются, либо применяются: на каждом шаге всякий субъект располагает конкретной суммой выявленных правил и конкретным набором навыков применения правил. **Проблема в соотношении выявленных и применённых правил.**

Проективное знание (способы применения систем обоснованных истинных убеждений) 1) всегда строится на рецептивном и 2) всегда меньше рецептивного. **Проективное знание – это и есть техника как материальная рефлексия, сумма технического меньше суммы рецептивного.**

3. Среда знания – университет.

Концепции университета (в версии Д.Горбунова): 1.0 – только обучение, 2.0 – обучение и исследование, 3.0 – обучение, исследование и управление, 4.0 – обучение, исследование, управление и развитие территорий.

1.0 – только рецептивный фундамент знания, без техники. Управление (по В.Лепскому) классическое: целевой или деятельностный подход, иерархия.

2.0 – проективная реализация знания (лаборатории, реальная наука) на фоне фундамента, обратная связь рецепции и проекции. Управление неклассическое: субъектно-деятельностный подход, сеть.

3.0 – рефлексивное управление знаниями как управление контекстом, анализ социальных проекций рецепции и проекции. Университет – управляющая среда. Управление постнеклассическое: метасубъектный подход (оппозиция управления субъект – саморазвивающаяся система) или средовой подход, среда.

4.0 – удержание (создание) границ реальности, не просто рефлексивное управление, но управление рефлексией, уровень контроля прагматических предпосылок разума.

4. Аберрации:

- Проекция (инженерия) без рецепции (фундамента). Сеть без иерархии.
- Рефлексия без анализа взаимодействия проекции и рецепции (попытка синтеза без анализа оппозиции тезиса и антитезиса). Среда без сетей и иерархий.
- Попытка управлять рефлексией без ясного осознания первых трёх ступеней управления.

Фундаментальная проблема: каждому субъекту технического мировоззрения в идеале должна соответствовать своя модель управления знаниями:

уровень традиции – университет 1.0,
уровень второй природы – университет 2.0,
уровень третьей природы – университет 3.0 и 4.0.

Реальное положение вещей таково, что уровень технического развития находится в состоянии перехода от второй природы к третьей, а уровень управления знаниями – в состоянии перехода от университета 1.0 к 2.0. Нарушается технико-гуманитарный баланс: субъект инженерии не соответствует этическому субъекту (отставание на эпоху!).

Литература

1. Лепский, В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ) [Текст] / В.Е. Лепский. – М., 2015.
2. Рополь, Г. Техника как противоположность природы [Текст] / Г. Рополь // Философия техники в ФРГ. – М., 1989. – С. 203-221.
3. Энгельмейер, П.К. Философия техники [Текст] / П.К. Энгельмейер. – СПб., 2013.
4. Ястреб, Н.А. Эпистемология технического объекта [Текст] / Н.А. Ястреб // Философия науки. – №2. – 2013.

5. Dessauer, F. Streit um die Technik [Text] / F. Dessauer. – Freiburg im Breisgau, 1959.
6. Ropohl, G. Allgemeine Technologie. Eine Systemtheorie der Technik [Text] / G. Ropohl. – Karlsruhe, 2009.

Г.Н. Оботурова

ЯЗЫК КАК ИНТЕРФЕЙС КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СЕТЕВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

(Вологодский государственный университет)

Философия языка является одним из основных разделов философии науки, которая начинала свое становление и развитие в рамках аналитической философии, перевода «философских проблем в сферу языка и решение их на анализе языковых выражений» [10, с.18]. Особенно значительный вклад в понимания многозначной сущности, природы и специфики естественного языка на этапе неопозитивизма внесли работы «позднего» Л. Витгенштейна, рассматривающего язык в контексте ситуативной деятельности, «семейного сходства», «языковой игры». Разговорный язык, с точки зрения Витгенштейна, есть часть человеческого организма, который не менее сложен, чем сам организм, поэтому человеку невозможно непосредственно вывести логику языка, так как язык передевает мысли и притом так, что «по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме передедтой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется вовсе не для того, чтобы обнаружить форму тела» [1, 4.002].

Подход Витгенштейна к пониманию многообразной, контекстуальной, «игровой» природы языка приобрел свою особую актуальность при решении проблем моделирования интеллектуальных познавательных способностей человека, естественного интеллекта в искусственном и нашел свою своеобразную реализацию в теории фреймов М. Минского. Фреймы, по его утверждению, можно представить в виде сети, состоящей из узлов и связи между ними, «верхние уровни» которых четко определены, так как связаны с устойчивыми, справедливыми понятиями по отношению к предполагаемой ситуации, тогда как «на более низких уровнях имеется много особых вершин – терминалов или «ячеек», которые должны быть заполнены характерными примерами или данными» [5, с. 8].

Такое сетевое рассмотрение и моделирование естественного интеллекта в искусственном становится особенно актуальным на этапе постиндустриального, сетевого общества, в котором, по утверждению М. Кастельса, «наши общества все больше структурируются вокруг биполярной оппозиции между Сетью и «Я» [4, с. 27]. Морфология сети, сетевая логика, с его точки зрения, хорошо приспособлены к «растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым моделям развития, возникающим из творческой мощи таких взаимодействий» [там же, с. 77]. Сетевой подход, основные, исходные концепции которого были

сформулированы Кастельсом, сегодня представляет собой «динамично развивающийся междисциплинарный дискурс, который охватывает все большие массивы научных изысканий в различных областях знания» [9, с. 48].

Особую значимость сетевая методологии в анализе актуальных проблем философии языка, науки и техники получает в контексте концепций четвертой промышленной революции, связанной с «развитием глобальных промышленных сетей, созданием интеллектуального производства (Smart Factory), внедрением киберфизических систем, распространением сервисов автоматической идентификации, сбора данных, машинно-машинного взаимодействия и др.» [12, с. 11].

Огромную стимулирующую роль для междисциплинарной разработки и применения сетевой методологии оказывают и бурно развивающиеся НБИК-конвергентные технологии, которые начинают «определять направление развития как технических наук, так и развитие научного знания в целом» [11, с. 20]. В силу этого, современные информационные технологии являются источником создания и выдвижения новых теорий и идей в таких областях, как «философия языка, эпистемология, особенно в отношении проблемы представления знаний, философия науки и история философии» [там же, с. 97]. Так, разрабатываемая в рамках конвергентных технологий парадигма органопроекции, прямого и обратного конструирования, «выявления знания из вещей» позволила «вывести на новый уровень понимание природы технического знания и по-новому поставила эпистемологические проблемы, связанные с репрезентацией, интерпретацией, извлечением знаний» [там же, с. 31].

Концепция органопроекции, моделирование интеллектуальных способностей человека в искусственном интеллекте позволяют рассматривать сетевую когнитивную структуру мозга как прообраз информационной сети, которая, в свою очередь, проецируется на социальную сетевую структуру. Однако, такая «прямая» органопроекция предполагает и обратный ход познавательного процесса – выявление знания из технического объекта для более углубленного понимания исходного прообраза, что «может дать представление об интеллекте человека, принципах его мышления» [там же, с. 37].

Когнитивная, информационная и социальная конвергенция позволяют глубже понять сетевую структуру языка как интерфейса, способа и формы их взаимосвязи. Такие основные принципы сетевой организации, как фрактальность, неоднородность элементов, нелинейная связь между ними, открытость, нестабильность во взаимодействии компонентов, потенциал самоорганизации, возможность эволюции могут быть, благодаря методологии обратного конструирования и «выявления знаний из вещей», применимы для более углубленного изучения мышления, языка, социума.

Необходимость языка как сетевого нейронно-социального интерфейса вытекает из аналогии сети нейронов мозга и социальной сети, имеющих сходную архитектуру, но различные программы управления, что и предполагает не только возможность, но и необходимость языка как интерфейса, переводящего «команды одного программного языка в команды другого» [6, с. 87]. В контек-